

А. В. АРХИПОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И КИШЕНСКИЙ

Работа Достоевского на посту редактора газеты-журнала «Гражданин» в 1873—начале 1874 г. — важный этап в творческой биографии писателя. Первая статья из «Дневника писателя», печатавшегося в «Гражданине», — «Старые люди», написанная в декабре 1872 г., отражает те взгляды, с которыми пришел Достоевский в газету, связанную с именами В. П. Мещерского и К. П. Победоносцева. Демонстративный пересмотр своего прежнего отношения к утопическому социализму и к его виднейшим представителям, когда-то лично близким писателю, — пафос этой статьи.

Однако год спустя Достоевский вынужден признаться, что его общественная позиция далеко не совпадает с позицией Мещерского. Порвав с «Гражданином», он устанавливает контакт с Некрасовым и начинает писать роман для «Отечественных записок». Завершение «Дневника писателя» 1873 г. статьей «Одна из современных фальшей» должно было показать Некрасову, что Достоевского ни в коей мере нельзя зачислять в число врагов лагеря «Отечественных записок».

Между этими двумя моментами: приходом в «Гражданин», с одной стороны, и уходом из газеты-журнала Мещерского, с другой, — насыщенный событиями и работой год жизни в России, редактирование крайне правой газеты с уже определенными традициями и сложившейся репутацией, встречи и контакты с различными людьми, доскональное изучение материалов о положении в стране и состоянии русского общества. Все это не могло не заставить Достоевского вновь пересмотреть многое в своих взглядах, вернее, в способе их выражения, так как основные свои убеждения Достоевский пронес неизменными через всю жизнь.

Одним из факторов, повлиявших на Достоевского, были, несомненно, знакомства с людьми, разделявшими ту реакционную платформу, на которую «Гражданин» встал с момента своего основания. Взгляды этих людей не могли не вызвать протеста Достоевского и не показать ему, что страстно искомую им правду

он не найдет среди идей ретроградного лагеря. В этом смысле очень характерна история взаимоотношений Достоевского с Д. Д. Кишенским.

Дмитрий Дмитриевич Кишенский был драматургом, малоизвестным и в то время. Теперь имя его совершенно забыто. Он родился, видимо, в начале 1830-х годов,¹ учился в Педагогическом институте, жил некоторое время в Саратове, где был знаком с молодежью, разделявшей социалистические взгляды, и, между прочим, с Е. А. Беловым, активно сотрудничавшим при Достоевском в «Гражданине». Во времени заочного знакомства с Достоевским Кишенский жил в Москве. В 1873 г. он напечатал в журнале «Сияние» свою комедию «Савраски» из крестьянской жизни, после чего рассорился с редактором и по суду требовал с него гонорар. Неизвестно, сам ли Кишенский прислал в «Гражданин» свою драму «Пить до дна — не видать добра», написанную для народного театра и получившую премию на конкурсе, или кто-нибудь из знакомых Кишенского, скорее всего тот же Е. А. Белов, рекомендовал его Достоевскому. Драма была напечатана в «Гражданине» и получила высокую оценку Достоевского в статье «По поводу новой драмы», напечатанной в № 25 «Гражданина» от 18 июня и вошедшей в состав «Дневника писателя» за 1873 г. Достоевский назвал драматурга «тонким художником», говорил о множестве «истинных достоинств» пьесы и заканчивал статью фразой: «Серьезнее ничего, по крайней мере, не появилось в нашей литературе за последнее и, может быть, довольно длинное время...» (XI, 107). Хотя в статье Достоевского отмечаются и значительные недостатки драмы Кишенского, общий тон ее чрезвычайно сочувственный. Драма, рисующая социальное и моральное разложение деревни, падение нравственных устоев в народной среде, была во многом созвучна постановке тех же проблем в статьях Достоевского 1873 г. (например, «Среда», «Влас», «Мечты и грезы»).

Вдохновленный отзывом Достоевского, драматург предложил редактору «Гражданина» еще одну пьесу, «Падение», «взятую из жизни среднего класса, так называемого молодого поколения»,² а затем статью, состоящую из нескольких разделов под общим названием «Отчего в России нет граждан». Между Достоевским и Кишенским возникла переписка. Из писем Достоевского дошло до нас, к сожалению, только одно, от 5 сентября 1873 г., оставшееся, по-видимому, неотправленным; письма же Кишенского к Достоевскому, в которых проявился характер этого малообразованного, консервативно настроенного, неумного и чрезвычайно амбициозного человека, сохранились.

¹ В письме Достоевскому от 12 июля 1873 г. Кишенский замечает: «...я стар, мне без малого 40 лет!» (ИРЛИ, ф. 100, 29741. ССХ16.6).

² Письмо Кишенского Достоевскому от 23 июня 1873 г. (ГБЛ, ф. 93, П.5.73).

Посылая Достоевскому «Падение» 12 июля 1873 г., драматург замечал, что «подкупленный» «Пить до дна...» редактор, вероятно, строго отнесется к его новой пьесе. «Но это ничего,— продолжал Кишенский,— я это люблю, и ничего так не боюсь, как написать посредственную, бесполезную вещь; писак и так расплодилось довольно, и увеличивать ряды их я не имею ни малейшей охоты».³ И действительно, Достоевский встретил «Падение» довольно строго, что видно из письма к нему Кишенского от 27 июля: «Я думал, что я написал что-нибудь действительно глубокое, высокоталантливое, а оказалось, что идеи мои, которые я привожу, не видны или не понятны! Иначе я не могу объяснить себе Вашего письма в некоторых случаях».⁴ И Кишенский начал пространно объяснять Достоевскому идеи своей драмы, посвятив этому три больших письма.

В драме «Падение» действуют современные нигилисты, отрицающие веру, брак, все моральные нормы. В их коварные сети попадают объективно честные, но неспособные противостоять разлагающему влиянию атеизма и нигилизма Бородин и Ольга. Всем им противопоставлен положительный герой — дворянин Гордеев, человек религиозный, добрый, умный, знающий народ и пользующийся огромным уважением со стороны своих бывших крепостных. Достоевский напечатал в «Гражданине» только пролог к этой драме.⁵ Судя по нему и по письмам Кишенского, посвященным разбору «Падения», пьеса представляла собой злобный пасквиль на молодое поколение. Дальнейший обмен письмами привел к тому, что выявилось принципиальное расхождение Достоевского и Кишенского в отношении к молодежи и к социалистическим идеям.

Кишенский, полный ненависти к идеям революционно настроенной молодежи, определяет их одним словом — «нигилизм», которое является для него синонимом безнравственности и грубого эгоизма. «У нас нет граждан, нет деятелей,— восклицал он в письме Достоевскому от 12 июля 1873 г., — у нас есть крик о вопросах, которые возбуждаются, и только! У нас нет мысли оригинальной — все списки, выборки с иностранного! Народ оклеветан, русское оплевано, и мы стоим без почвы, идем куда дует ветер! Сегодня социалисты, коммунисты — завтра прусские солдаты! Нонче демагоги косматые, завтра чиновники лощеные».⁶ Кишенский заявляет, что из всех современных идей ему ближе всего идеи славянофильские, однако велика его неприязнь ко всему обществу в целом, от капиталиста Губонина, который «накрал 12 миллионов крови народной»,⁷ до современных писателей

³ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХІ66.

⁴ ГБЛ, ф. 93. II.5.73.

⁵ См.: Гражданин, 1873, 20 августа, № 34, с. 924—932

⁶ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХІ66.

⁷ ГБЛ, ф. 93. II.5.73 (письмо от 27 июля 1873 г.).

демократического направления, знающих, по мнению Кишенского, в народной жизни одно «непотребство».⁸ Нигилисты в его пьесе не только не чистят платья, не стригут волос и ногтей; они толкают своих подруг на самый грязный разврат, а сами берут взятки, служа в железнодорожных конторах. Такими представляет себе нигилистов Кишенский, и он убежден, что, изобразив все это, нанес нигилизму непоправимый удар, что во всей русской литературе он один последовательно и непримиримо, а главное, очень успешно разоблачает нигилизм. «Мне кажется, — писал он Достоевскому 31 июля 1873 г., — что в нашей литературе, тех партий, которые противостоят нигилизму, обращались с нигилистами слишком церемонно, как будто боялись вступить с ними в спор по тем пунктам, которые составляют основы нигилизма. <...> Нет, с ними надо действовать не так, а именно стать на их почву и драться!»⁹

«Моя драма, — продолжает Кишенский, — не последнее слово нигилистам, это скорее вызов им, перчатка брошенная, вызов на бой, и на смертный к тому же! <...> Мой метод бить нигилистов их оружием, на их почве! Выказать им нелепость их принципов, их непрактичность примерами *их* общества. Они хлопочут о свободе женщины, что же дали они ей, чтоб быть свободной? Ольга в минуту отчаяния говорит: „*Развитие, проповеди — башмаки бы иметь выучили!*“ Это плюха нигилистам! Липочка говорит: „Ваши примеры сгубили меня, я хлопотала отдаться кому-нибудь!“ — и Липочка делается рабой-наложницей всех! т. е. нигилисты связали руки девочке да и выдали на изнасилование развратникам! Вторая плюха! Где же свобода-то? Что они дали женщинам? Катя, Вера франтят, из-за этого продаются! Нигилисты не возвысили женщин пад тряпицами! Третья плюха! И эти плюхи они прими — и ответить не смей! Их товарищи идут служить *у строителей железных дорог*, их журналы называют строителей ворами! Чем же они, нигилисты, возвысились над чиновниками? „Мы чиновники, — говорит Ольга, — они на детей брали взятки“. Четвертая плюха!»¹⁰ Такое «доказательство» убедительности и правоты своей позиции не могло не раздражить Достоевского. Еще в самом начале своей редакторской деятельности он поместил в № 1 «Гражданина» анонимную рецензию на роман А. Пальма «Алексей Слободин», где, между прочим, говорилось: «Нам кажется, что если в нынешней литературе у нас много романов без типов, то главная причина тому заключается в сознательном или бессознательном применении к литературному творчеству предвзятых идей или так называемых общественных тем к разрешению. Прежде роман был целью создания художника; теперь роман стал средством к достижению цели; а цель эта — проведе-

⁸ Там же (письмо от 23 июня 1873 г.).

⁹ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХ16.6.

¹⁰ ГБЛ, ф. 93.П.1.73.

ние какой-либо идеи и, всего чаще, каких-либо идей. Отсюда необходимость создавать идеи из сопоставления разных таких обстоятельств, где герои могли бы говорить то, что думает автор и что он хочет навязать своим читателям. Всё делается искусственным, ходульным, натянутым, невероятным, фальшивым, и читатель чувствует, что в таком романе всё есть, кроме правды, изящества и типов». ¹¹ Несомненно, драмы Кишенского, особенно его «Падение», создавались именно так: писатель проводил идею, делал это резко, «в лоб», считая для достижения своей цели все средства пригодными.

Как подлинный художник и тонкий ценитель литературы, Достоевский был шокирован той бесцеремонностью и неразборчивостью, которую проявил Кишенский как писатель и которая, в глазах Достоевского, ничего общего не имела с искусством. Но расхождение Достоевского с Кишенским затрагивало и непосредственно идеологические вопросы. Еще в статье 1861 г. «Г-н-бов и вопрос об искусстве» Достоевский писал: «Произведение нехудожественное никогда и ни под каким видом не достигнет своей цели» (XIII, 71). ¹²

Та же мысль выражена в статье «По поводу выставки», написанной незадолго до знакомства с Кишенским и напечатанной в № 13 «Гражданина» от 26 марта 1873 г.: «Я ужасно боюсь „направления“, если оно овладевает молодым художником <...> и, как вы думаете, чего именно тут боюсь: а вот именно того, что цель-то направления не достигается» (XI, 74). Драма «Падение» была именно таким произведением с реакционным «направлением», цель которого не была достигнута. Решив напечатать в «Гражданине» пролог «Падения» (он появился в № 34 от 20 августа), Достоевский подверг его значительной правке. Редактор сократил и исправил нелепую сцену, в которой Вера, невеста положительного героя Гордеева, в присутствии своего жениха садится на колени к одному из нигилистов, чтобы показать свою «эмансипированность». ¹³ Были внесены в пролог и другие изменения, на что Достоевский спрашивал разрешения. Во всяком случае, автор «Падения» писал редактору «Гражданина» 27 июля 1873 г.: «Поправить я Вам верю, слова Гордеева в 1-м действии о том, что он дозволяет невесте любить другого и что он примет ее опять, вычеркните. Но вставить, вставляйте, но чтоб не испортить дела». И далее, в том же письме: «... делайте что угодно, многоуважаемый Федор Михайлович, только примите к сведению

¹¹ Гражданин, 1873, 1 января, № 1, с. 22.

¹² См. анализ этой статьи в работе Г. М. Фридендера «Эстетика Достоевского», где исследователь формулирует основную идею писателя: «Любая идея в искусстве должна быть выражена средствами самого искусства» (в кн.: Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. М., 1972, с. 132).

¹³ Об изменениях, внесенных в эту сцену, Достоевский писал Кишенскому 5 сентября 1873 г. (П., III, 83).

и мои заметки, и в сих поправках я Вам верю, и что Вы по сему законно учините, спорить и прекословить не буду!»¹⁴ Из этого письма видно, что Достоевский собирался не только сократить отдельные места драмы, но и дополнить некоторые сцены. Возможно, он включил в один из монологов Гордеева следующее рассуждение: «Сами себя производите в идолы да и молитесь на себя. Скажи кто-нибудь слово об ваших ошибках (а ведь ошибок-то уж как много!) — камнями закидают, грязью зальют; хуже всяких цензоров обесславят; доносы посыплются обществу! Для вас ничего не значит, что человек трудится, жизнью за убеждения заплатил; чуть слово против, ошибется раз в жизни, отданной другим, пожертвованной на добро, — сейчас в грязь втопчут!»¹⁵ Во всяком случае рассуждение это поразительно схоже с замечанием Достоевского, сделанным в записной книжке 1861 г. для неосуществленной статьи о Н. И. Пирогове. Возражая здесь Добролюбову, резко осудившему Пирогова за то, что тот, будучи попечителем Киевского учебного округа, утвердил «Правила», разрешающие применять телесные наказания, Достоевский писал: «Убеждение — так. Да человека-то вы просмотрели, деятеля. Он ошибся, и за ошибку, за одну ошибку, вы уже не уважаете его более. Зачем же вы требовали от Пирогова более, чем он мог вам дать <...> и, увидя, что Пирогов в одном ошибся, тотчас же смешали его с грязью. Да ведь в нем, кроме этой ошибки, было много прекрасного и великого...»¹⁶

Однако все поправки Достоевского не изменили смысла «Падения» и не смогли сделать его художественным произведением. И Достоевский ограничился, как мы уже знаем, публикацией пролога, хотя, вероятно, первоначально намеревался напечатать драму целиком. Кишенский писал ему в чрезвычайно грубом письме от 4 сентября 1873 г.: «Меня обирали, грабили, обманывали, но никто не сделал мне такого зла, как Вы, напечатанием испорченного Вами пролога, без моего позволения, и отказом, против данного Вами слова, печатать всю драму».¹⁷

Между Достоевским и Кишенским произошел разрыв. И причиной его были не только поправки Достоевского.

12 июля Кишенский предложил Достоевскому цикл статей для опубликования в «Гражданине», а 29 июля уже излагал целую программу своего участия в журнале Достоевского: «Видите ли, цели-то у нас с Вами, *кажется*, одни, и мне необходим журнал, в котором я мог бы проводить свою пропаганду гражданства, основанного на истории русской чистой, а не немецко-русской послепетровской, основанного на *православной вере, на демократии*, на русском, но никак не немецко-прусском и пр. и пр. Вы

¹⁴ ГБЛ, ф. 93.11.5.73.

¹⁵ Гражданин, 18/3, 20 августа, № 34, с. 922.

¹⁶ Лит. наследство. Т. 83. М., 1971, с. 142 и сл.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХ16.6.

проповедают то же самое, но в способах проповедования у нас есть разница. Вот об этой разнице мне и нужно поговорить с Вами, спеться с Вами и быть постоянным Вашим сотрудником».¹⁸

Однако эта разница «в способах проповедования» была и разницей во взглядах на молодежь. Достоевский не мог принять озлобления Кишенского против молодежи. Споры по этому вопросу, видимо, начались сразу же. В том же письме от 29 июля Кишенский писал: «Надо разбить их (нигилистов,— А. А.) основы, доказать, что они ничего не сделали, кроме разврата, растления! Вы признаете в них жажду обновления, я признаю в них невежество от лени и жажду болтания».¹⁹ 31 июля Кишенский снова возвращается к больному для него вопросу о нигилистах, упрекает Достоевского в сочувственном отношении к революционно настроенной молодежи: «Я заметил в Вас снисхождение к ним, и я вместе с Вами признаю, что между нигилистами много честных, хороших личностей, но между каких? Это дело важное!»²⁰ Кишенский утверждает, что «честные нигилисты были до 4-го апреля» (т. е. до покушения Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.), к современным же революционерам и сочувствующей им молодежи, как и ко всему образованному обществу, он настроен чрезвычайно враждебно: «Что говорить о предметах цензурных, когда пропаганда идет в обществе самая нецензурная посредством разговоров, а в литературе посредством примеров в романах, повестях и пр.»²¹ Такие рассуждения не могли не насторожить Достоевского. Посланная Кишенским в «Гражданин» статья «Отчего в России нет граждан» граничила, по-видимому, с прямым политическим доносом. Е. А. Белов, просматривавший эту статью по просьбе Достоевского, как специалист-историк, писал редактору «Гражданина» 22 августа 1873 г.: «У него в статье есть такие вещи, которые всякий умный человек скорее бы препроводил в 3-е отделение, чем в газету».²² А в письме от 13 августа 1873 г., посвященного тому же вопросу, назвал ее «безграмотной», содержащей «беспорядочные идеи», а автора ее — человеком невежественным, отличающимся, кроме того, «болезненным раздражением».²³

Результатом был отказ Достоевского от печатания в «Гражданине» статей Кишенского и от всякого дальнейшего сотрудничества с ним после напечатания пролога к «Падению».

В уже упоминаемом письме Кишенского от 4 сентября 1873 г., полном мелочной злобы, раздражения и уязвленного самолюбия,

¹⁸ ГБЛ, ф. 93.11.5.73.

¹⁹ Там же.

²⁰ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХ16.6.

²¹ Там же.

²² ГБЛ, ф. 93.11.1.77.

²³ Там же.

этот человек высказался вполне. «Во прошлом письме, — начинает Кишенский, — я, кажется, ясно высказал Вам то, что я не желаю разыгрывать роль школяра, и не желаю, чтоб мою драму портили под видом поправок, поэтому позвольте спросить Вас, как принимать новую бесцеремонность Вашу со мной, что до сих пор я не получал ни драмы, ни денег за пролог». И далее: «Печатать же, повторяю, Вы можете, не изменяя ни одной буквы моей, после же Вы можете хоть обругать меня».²⁴ Как мы помним, в предыдущих письмах, в том числе и в письме от 31 июля, Кишенский, наоборот, доверял Достоевскому произвести все необходимые, с точки зрения редактора, исправления в его драме. Возмущен же он теперь был скорее всего не столько этими исправлениями, сколько отказом Достоевского напечатать «Падение» целиком, а также опубликовать его статьи. Письмо Кишенского от 4 сентября, естественно, повлекло не менее резкий ответ Достоевского, справедливо возмущенного и искажением фактической стороны вопроса, и обвинением в удержании положенного Кишенскому гонорара. Достоевский хорошо понял характер своего корреспондента. «Ваше грубое письмо, совершенно для меня неожиданное, — отвечал он Кишенскому 5 сентября 1873 г., — сначала очень рассердило меня. Но теперь, когда я, для справок, собрал, пересмотрел все Ваши письма ко мне, я убедился, что между нами произошла классическая и вековая история Жиль Блаза с архиепископом Гренадским» (П., III, 82).²⁵

Достоевскому представилась, таким образом, возможность увидеть воочию человека с характером, разительно напоминавшим некоторых его героев (Фому Опискина, а отчасти и героя «Записок из подполья»). И этот человек как будто бы разделял многие из убеждений писателя, исповедовал дорогие для него идеи относительно православия и социализма, России и Западной Европы, характера петровских реформ. Достоевский соглашался с драматургом кое в чем, пытался его усовестить, воздействовать на него, но напрасно. Спор о молодежи, в котором каждая из сторон была непримирима, решил все. Глумления над молодежью, искренно сочувствующей социализму, Достоевский не мог простить: отсюда, как мы знаем, одна из многочисленных его размовок с Мещерским, когда Достоевский «выкинул радикально» из статьи Мещерского несколько строк о необходимости надзора правительства за студентами, «глубоко противные» его «убеждениям».²⁶ Отсюда и статья «Одна из современных фальшей», на-

²⁴ ИРЛИ, ф. 100, 29741.ССХІ6.6.

²⁵ История Жиль Блаза с архиепископом Гренадским — эпизод из романа А.-Р. Лесажа (1668—1747) «История Жиль Блаза». Архиепископ Гренадский требовал от Жиль Блаза полной откровенности в анализе его проповедей. Когда же Жиль Блаз осторожно намекнул архиепископу на некоторую слабость одной из них, архиепископ прогнал его от себя.

²⁶ См. письмо Достоевского Мещерскому от ноября 1873 г. (П., III, 88).

правленная в защиту современной молодежи и завершающая «Дневник писателя» за 1873 г.

От заветных идей своих Достоевский, конечно же, не отказался. Но уже вскоре он порвал с «Гражданином» и более пристально взгляделся в тот лагерь, к которому принадлежала и социалистически настроенная молодежь — те «нигилисты», которых так грубо пытался дискредитировать Кишенский, т. е. та молодежь, которая была неприемлема для Достоевского в пору создания «Бесов» и которую он так внимательно изучал, создавая роман для «Отечественных записок» Некрасова.